

Наступила неловкая пауза. Цзюли молча сосредоточился на крольчатине, словно надеясь, что всё сказанное лишь почудилось ему в треске углей.

Ли Хуайхэн тоже умолк. Закончив с мясом, он отправил Цзюли запрос на обмен. Тот подтвердил сделку, но в графу оплаты вписал все свои сбережения — восемь медных монет.

— Не нужно, — поспешно возразил Хуайхэн. — Это ведь не какая-то ценная вещь.

Сам от себя не ожидая такой настойчивости, он недоумевал: с каких это пор он стал так беспардонно навязываться и столь горячо искать чужой дружбы?

Сделка сорвалась. Хуайхэн отправил запрос снова. Когда два упрямых человека сталкиваются из-за мелочи, побеждает тот, чьё упорство граничит с одержимостью. На этот раз он оказался твёрже. Цзюли пришлось смириться и принять жареное мясо. В конце концов, для квеста требовалось пять тушек, и ни один NPC не стал бы проверять, сам ли он их готовил.

Однако принимать чужую доброту было непривычно и даже странно. Возможно, привыкнув к злобе окружающего мира, он разучился верить в бескорыстие, и теперь этот мимолётный жест сочувствия отозвался в душе тягучей горечью.

Когда-то бог войны, чьё имя гремело на всю Империю, не нуждался в милости. В те времена Райнсманн, вероятно, счёл бы подобное пустяком. Обладая властью и положением — всем, о чём только можно мечтать, — он воспринимал знаки внимания как досадную помеху. Единственным, что имело для него смысл, было поле битвы.

Теперь же, когда в сердце выжжена пустыня, воспоминания о прежней жизни вызывали лишь безгливость и раздражение. Но как бы сильно он ни жаждал крупинцы тепла, реальность оставалась жестокой. Люди бежали от него, как от чумы. И пусть здесь, в игре, он скрыл своё лицо, что толку от минутной нежности? Стоит этому доброму человеку узнать, кто перед ним на самом деле, как он тут же отвернётся с проклятиями.

Райнсманн нахмурился. Для аватара он выбрал максимально заурядную внешность. В Империи когда-то проводили конкурс красоты, охватывавший историю последних десяти тысяч лет, и его лицо тогда возглавило список. Даже те участники, что довели свои черты до совершенства с помощью пластики, проигрывали его природной красоте.

Его облик был за гранью гендерных различий, оставаясь при этом воплощением мужественности: чёткие брови, безупречная линия носа, тонкие губы и глаза, сияющие подобно звёздам, но таящие в себе холод стали. Это был опасно притягательный мужчина — из тех, чья любовь способна испепелить.

Многолетняя служба в армии наложила свой отпечаток, выделив его среди прочих красавцев. Весь мир — от мала до велика — был покорён этим магнетизмом. Многие утверждали: реши Райнсманн уйти в шоу-бизнес, другим звёздам там просто не осталось бы места.

Никто не мог сравниться с ним.

Именно поэтому он выбрал самое невзрачное лицо. Он не хотел, чтобы кто-то провёл параллель между обычным игроком и тем самым опальным генералом.

— У меня дурной характер, — холодно бросил он. — Тебе лучше со мной не связываться.

Он шёл в эту игру за новой жизнью, но стоило кому-то проявить интерес, как он привычно выставил шипы. Райнсмани и сам не понимал своего поведения. Когда он прочитал письмо от своего давнего подписчика с предложением попробовать поиграть, в нём что-то дрогнуло. Ему захотелось перемен. Но в глубине души он оставался трусом — тем, кто прячется за спиной Соми, украдкой читает письма единственного верного фаната и боится даже ответить.

Весь мир поверил, что он предатель. Все считали его крысой, которую нужно забить камнями. Но нашёлся человек, который продолжал верить. Кто-то, кто сказал: «Всё в прошлом. Подумай о том, как жить дальше».

Жить дальше? Есть ли у него вообще будущее? Единственное, что удерживало его от самоубийства — врождённая гордость. Он не мог позволить врагам увидеть свою слабость. Не мог дать им повод посмеяться над его жалким концом.

Хуайхэн опешил. Голос Цзюли оказался на удивление глубоким и бархатистым — из тех, что пробирают до костей. Оставив без внимания предупреждение о «дурном характере», он счёл это лишь предлогом для отказа.

— У каждого свои причуды. В игры можно играть и с буками, — улыбнулся Хуайхэн. — В моём любимом шоу есть один участник — вечно ворчит, вечно на взводе, вне кадра ни с кем не общается, а друзей у него полно. Дружба — это умение быть терпимее.

Освободившись от изнурительной работы, Хуайхэн словно заново открыл для себя мир. Оказалось, что в его годы люди обычно читают романы, смотрят кино, играют и путешествуют. Его же прошлая жизнь была беспросветно серой и скучной. Даже столетние старики жили интереснее.

Недавно он увлёкся архивными выпусками одного шоу двадцатилетней давности. Тот ворчливый артист вызывал у него симпатию, а к Цзюли он и вовсе испытывал подсознательное сострадание.

— Скверный нрав просто так не берётся, — добавил Хуайхэн. — И я не верю, что ты из тех, кто станет распускать руки без причины.

Он был уверен, что за напускной суровостью скрывается обычный, честный человек.

— Ха, — холодно усмехнулся Райнсманн. — Если я выхожу из себя, мне плевать, кого бить.

Хуайхэн лишь вздохнул и неожиданно сменил тему:

— Как тебя зовут?

— Цзюли, — машинально ответил тот, прежде чем успел прикусить язык.

— Тогда давай добавимся в друзья.

Хуайхэн улыбнулся. Обычно он не проявлял инициативы, но в случае с этим незнакомцем в нём проснулось необъяснимое упрямство. Словно перед ним была сложнейшая задача, которую он во что бы то ни стало решил дожать.

Так же он любил Райнсманна — преданно и вопреки всему, на протяжении долгих восьми лет. Несмотря на всю грязь и проклятия, которыми осыпали генерала, он верил ему. Тот Райнсманн, которого он знал, просто не мог совершить предательства. Это упорство стало частью его натуры.

Цзюли отклонил запрос и молча зашагал прочь — тушки кроликов были готовы, пора сдавать квест. Но Хуайхэн не собирался отступать. Перед его глазами то и дело всплывали уведомления о запросе в друзья. Он мог бы заблокировать настырного игрока или просто закрыть панель интерфейса, но рука не поднималась.

Это странное чувство жалости возникло из ниоткуда. С того момента, как он вошёл в игру, он подсознательно ждал, что кто-то появится в его жизни. Кто-то, для кого он будет просто человеком, а не «тем самым генералом».

— Цзюли, ты правда не хочешь со мной дружить? — Хуайхэн следовал за ним по пятам. — Мы могли бы качаться вместе. В «Цзю Чжу» прокачка — сущий ад, а вдвоём эффективность в разы выше. Неужели ты даже не подумал?

Договорив, Хуайхэн мысленно прикусил язык. Коллеги говорили, что с его характером нельзя заниматься исследованиями энергоносителей — мол, он слишком импульсивен для точных расчётов. Но дисциплина сделала из него выдающегося специалиста. Однако стоило упрямству взять верх, как он мгновенно сбрасывал маски, превращаясь в совершенно иного человека. Болтать без умолку он позволял себе только с близкими, но перед этим незнакомцем его словно прорвало.

Цзюли остановился. Сердце предательски дрогнуло. Раньше он бы и глазом не повёл, но сейчас эта неуклюжая попытка сблизиться была ему слишком дорога.

— Я не люблю шумные компании. Если ты собираешься таскать за собой целую толпу, то нам

не по пути, — пошёл он на компромисс.

Цзюли обернулся, ожидая ответа, и увидел сияющую, хоть и немного застенчивую улыбку.

— Идёт! У меня есть товарищи, и иногда мы будем ходить в рейды или на общие квесты, но если ты не хочешь с ними знаться — будем качаться только вдвоём.

Хуайхэну вдруг показалось, что он сейчас как Цзюй Жань, пытается умаслить своего вечно недовольного шефа.

<http://bllate.org/book/17471/1693852>